

Нурлан АБДЫКАДЫРОВ, Назик АБДЫКАДЫРОВА

ВСЕЛЕННАЯ ДУХОВ

Киноповесть (журнальный вариант)

Продолжение. Начало в № 3, 2026.

6

К закату солнца мужчины и юноши заканчивали строить новый летник в устье реки в стороне от селения. Старику Паркизину, согласно традиции нивхов, полагалось два года прожить на берегу, принося жертвы благодарности хозяину моря за обнаружение погибших сына и внука. Позади, на песчаном берегу, женщины и юноши варили в котле мясо, о чем-то живо переговариваясь. На бревне лежала растянутая белая шкура собаки, а на земле возле летника сидели и беседовали старики.

Хемара Иткун внес свое предложение, желая помочь брату:

– Паркизин, незачем вам со старухой жить целый год на отшибе. Так мы решили. Вернем твоего старшего сына. Мало становится нас. А он наверняка стал другим, не хуже, а лучше. Верю, исправился.

– Стоило бы возвратиться моему Ыкылаку. Он и так должен будет год провести у моря, прежде чем хозяин воды позволит ему жить в нашем селении. Заодно по своему младшему брату Напуину два лета будет приносить жертвы. Так положено, – мало говорящий, грустный Паркизин, потерявший сына, надеялся, что когда-то возникший в селении конфликт между Ыкылаком и братьями погаснет навсегда. Сидя со стариками, он оглядывался на родственников, замечая, что мужчины рода неодобрительно смотрели на них с Иткуном, говоривших об Ыкылаке.

Недовольные, они бросили строить летник, положив на землю инструменты, пошли к женщинам, копошившимся у костра. Пилан Койвун, посмотрев уходящим вслед, пошел за ними, стал просить их быть терпимыми к родственникам. Старики Иткун и Паркизин выжидательно смотрели на пилаана Койвуна, говорившего с мужчинами, а те поглядывали на них. Вернувшийся пилаан Койвун успокоил братьев, сказав, что решил вопрос.

– Они росли, выросли с ним. Знают его как себя. Согласились испытать Ыкылака в последний раз. Он должен лето за летом по-человечески прожить на этом месте. Проверим, кем он стал. Достоин ли своего рода.

Построенный вне селения летник для старика Паркизина стал временным жилищем для чуждого всему селению Ыкылака. К закату все утомились, но еще долго разговаривали в холодеющей мгле. Наступившая зябкая темнота, призывавшая ко сну, разогнала всех по хижинам.

Прервав сегодня древний обряд, все селение наконец сняло верхние одежды, укладываясь спать. Старик Паркизин сидел в своем летнике, наполовину освещенный светом масляной лампы. Позади него его старая жена, разоблачившись, легла спать. Старик же сидел и грустно смотрел в пол, словно итожа долгий день, затем, глубоко вздохнув, также разделся и лег на нары.

Рядом в своем летнике мать мальчика Инаукуна спала в самом углу, прикрывшись шерстяным одеялом. Чалун с Инаукуном с особым удовольствием снимали одежды, которые, казалось, за дни траура словно одеревенели и срослись с телом.

– Старик хоть наполовину отойдет душой от горя. Все наконец смогут нормально поспать без одежды. Мечтаем, чтобы нас становилось больше, а не меньше, – прервал молчание Чалун.

– Где они теперь? – Инаукун посмотрел на свой амулет.

– Братья ушли в тот мир, где селение мертвых. Там та же земля, то же небо, то же море, реки и леса, что и здесь. Мертвые живут там в таких же домах, как на земле, ловят рыб, охотятся, имеют собак, отмечают праздники клана, женятся и заводят детей. Но бедный там станет богатым, а богачи там станут нищими. У нас зима, у них лето. Все наоборот. Мы отправляем с нашими покойниками разбитые, поломанные и порванные вещи, а там они становятся целыми. Там так же, как у нас, есть смерть и болезни. Оттуда душа попадает в третий мир, а затем в следующий за ним свет новой жизни. Душа вырождается от этого, возрождается в меньших и меньших существах: в маленькой птичке, насекомом. В конце пути душа становится пеплом, – просвещал мальчика отец.

Только вроде начав спать, уже скоро Инаукун увидел рассвет. Бывают ночи, тянущиеся как года, а бывают протекающие как мгновения. При первых лучах солнца Инаукун раскрыл свои выздоровевшие глаза, разбуженный многоголосым собачьим лаем. Преследуемый собаками медвежонок бежал по селению и шаром закатился в переднюю часть жилища старика Иткуна. Огрызаясь на собак, медвежонок соскочил на землю и нырнул в соседнее жилище старика Паркизина. Стоя в передней части жилья, старик спустился и отогнал собак. Держа перед носом медвежонка кусок сухой юколы, он вынудил того принюхаться к пище. Чувя запах еды, медвежонок привстал в полный рост на задние лапы и, не смущаясь, принялся подтягиваться вверх, пытаясь вырвать пищу из рук старика. Старик Паркизин, бросая ему кусочки юколы, перемещаясь между летниками, провел его через селение к старинной деревянной медвежьей клетке. Старик бросил большой кусочек юколы внутрь клетки, над которой сверху на дереве висели два больших медвежьих черепа. Медвежонок осторожно зашел в клетку, и старик закрыл за ним дверь.

Чалун и Инаукун тоже подошли к клетке с медвежонком, возле которой уже собирались со всех сторон селяне. Чалун негромко пояснял сыну:

– Хозяин гор и горные люди жалеют потерявшего детей, вот и посылают медвежонка. Теперь дядьке Паркизину надо растить его три года как своего сына. Через три года устроим медвежий праздник, простившись с подростком медведем. Страдания Паркизина по сыну и внуку смягчатся. Сердце покинет хотя бы часть жестокой боли.

Сидевший у клетки старик Паркизин забрал из рук подошедшего юноши Касказика миску со студнем, принялся кормить зверя. Вокруг клетки бегали подростки, дети. Селяне, окружив клетку с медвежонком, рассматривали его. Женщины не приближались к клетке, согласно традициям и принятым родовым устоям, а смотрели на него издалека.

С деревянной посуды и едой в руках подошел старик Иткун. Паркизин уступил ему место. Старик Иткун принялся кормить зверя, старик Паркизин, взяв на руки трехлетнего мальчика, встал у клетки над медвежонком, обращаясь к тому:

– Раста, тело нам свое отдай, породнись с нами крепким духом своим, береги наших нарождающихся детей. Стань для них верным псом.

– Благодарим тебя, сородич среди богов. Защитника нам прислал. Стократ вернем наши долги, – говоря, старик Иткун пытался вспомнить, чья же душа из ушедших родичей могла жить среди горных духов.

Шаманка Чамук долго и настороженно смотрела в глаза медвежонку, а тот, избегая встречи с ее взглядом, периодически бросал есть и прятался в углу клетки.

– Твой помощник. Станет им. Примется охранять селение от злых духов, – старик Паркизин знал, что главный противник его ушедшего сына Ыкылака шаманка Чамук, и хотел наладить с ней добрые отношения.

– Ты ходишь в разные стороны, разные миры, видно ли тебе там моего сына Ыкылака? Идет ли он к нам? В прежние годы я думал о жизни так: будешь готов, только тогда делай все, стремясь к достижению цели, если не готов – не живи напрасными делами. Сейчас передумал, жизнь научила, и я понял – хоть не готов, все равно двигайся к мечте, делай то, чем загорелся. Луна и солнце сменяют друг друга много раз – созреет то, что начал делать.

– Уйльта на большой земле стали обниматься со всеми. Даже белые духи стали им богами, стали хозяевами их земли. Ыкылак родился здесь со злым духом внутри, там, на большой чужой земле, собрал себе злых духов уйльта, – шаманка, говоря, недобро смотрела на Паркизина.

– Наша земля – мать-нерпа велика, придут к нам бедствия большой земли, мы сможем уйти от них совсем далеко, даже в горы. Земля наша мать-нерпа может уплыть и в море, забрав нас с собой подальше от них, – Паркизин пытался смягчить тяжелый настрой мыслей шаманки Чамук.

– Злой дух не имеет близких, вот он и стал путать вам луну и солнце в голове. На большой земле, в подземном мире лоунглиф, куда уходят луна и солнце, во всех ее сторонах есть новые злые духи, они же придут сюда и зайдут внутрь нас. Не убьют тело, так заберут души. Вижу только так, – шаманка Чамук развернулась и пошла к лесу, всматриваясь в селян, стоящих у клетки медвежонка.

Старик Паркизин, проводив шаманку Чамук, сел на землю ближе к медвежонку, продолжая наблюдать за ним. Он тоже приглядывался ко всем мужчинам и женщинам, стараясь понять, о чем они думают, чем горит их душа.

7

Через тайгу в сторону селения нивхов по реке плыли четыре лодки с людьми из рода уйльта. Параллельно им вдоль по берегу двигались их же сородичи, везшие товары на нескольких оленях. Люди уйльта перекрикивались меж собой, махали друг другу руками и указывали в сторону, где их встречали нивхи.

Группа мужчин нивхов с луками и стрелами в руках, во главе которых стоял пилан Койвун, на краю селения встретила прибывших. Уйльта встали напротив нивхов с таким же оружием в руках. Возле старшего из уйльтов стоял и улыбался нивхам их родич Ыкылак. Некоторое время оба племени молча стояли лицом к лицу и внимательно рассматривали друг друга, затем сложили оружие на землю. Взяв свои тюки, достав оттуда подарки, вещи для обмена, уйльта двинулись вперед, приближаясь к нивхам. Не доходя несколько шагов до нивхов, мужчины уйльта положили вещи на землю и отошли назад, предлагая нивхам осмотреть подарки.

Отделившись от горстки людей уйльта, Ыкылак вместе с прибывшим старейшиной подошел к пилану Койвуну. Ыкылак, подтягивая веревку, вел за собой крупную рыжую собаку. Молодежь нивхов, подойдя сзади к встретившимся старейшинам, подвела пилану Койвуну большого серого пса. Старейшина уйльта поднес Койвуну длинную курительную трубку и табак в деревянном ящичке. Дочери-близнецы Ыкылака подвели к пилану Койвуну маленького чудесного олененка. Ыкылак поклонился и поздоровался со своим бывшим старейшиной, страстно произнося речь о нивхском единстве:

– Смола текла-текла по лиственнице, коснулась земли, и появился нивхун. У нас один огонь и один медведь. Все это во мне. Этим живу – сын нивхов Ыкылак.

Слушая его слова, братья Чалун и Палгун ехидно ухмыльнулись, но пилян Койвун продолжал смотреть сурово и без улыбки. Остальные простодушные родичи, видя подарки уйльта, радостно улыбались Ыкылаку – сыну Паркизина.

– Через твою жену они стали родичами нам. Новой кровью они оживят наш род, – пилян Койвун ответил уйльта и вместе с прибывшим старейшиной двинулся назад к селу. За ними двинулись родичи и пришедшие уйльта.

Радостно улыбаясь, Ыкылак шел среди родичей и братьев. Родичи тоже улыбались, пытались потрогать его, поговорить с ним, особенно радовались отец Паркизин и мать Уюк. Лишь пилян Койвун, Чалун и Палгун хмуро взирали на Ыкылака, не веря его улыбкам и многозначительным словам. А хемара Паркизин и ытыка Уюк принялись обнимать Ыкылака, его дочерей-близняшек. Нивхи с интересом и удивлением рассматривали близняшек в объятиях деда и старухи, о чем-то перешептывались, глядя на них.

Люди уйльта разложили на земле свои обменные вещи: пару больших котлов, чай, рис, табак, стеганные ватные халаты. Добавили необходимое для изготовления одежды: ткани, вату, нитки. Были и металлические вещи: пилы, ножи, котелки, железо, цепи, копья. Женщины рассматривали украшения, выделенные для них: металлические подвески для обшивки нижнего края халатов, металлические серьги с нефритовыми привесками, кольца, браслеты, шелковые нитки для вышивания национальных орнаментов. В конце уйльта добавили предметы роскоши: японские серебряные браслеты, японские сабли. Нивхи, в свою очередь, вытащили подарки, приготовленные ими для уйльта, разложили их на траве. Расправляли на земле перед ними разные товары, показывали со всех сторон свои обменные вещи: шкуры медведей, моржей и тюленей, шкурки дорогих животных: лисиц, соболей, куниц, белок. Предлагали разнообразные виды сушеного мяса морских зверей и рыб. Здесь же – множество вещей, изготовленных из дерева: собачьи упряжки, всевозможная посуда, фигурки зверей, предметы обихода и ремесленного искусства из бивня моржа, костей и рогов животных. Оба народа, прибывшие и встречающие, рассматривали подарки и переговаривались меж собой.

И вот уже вскоре два народа в разговоре сблизились, обсуждая свои подарки, товары, загорелись единой человеческой сутью. Суетливо треща обо всех многосторонних интересах жизни, жгучих страстях повседневности – вспомнили, что все они люто проголодавшиеся существа, и перешли к рассуждению о необходимости получения радости для желудка. Они стали готовить к необходимому ритуалу собак, съестные продукты, а старейшины с родичами и помощниками отправились к реке, где стояли лодки уйльта. Выйдя на берег, нивхи с интересом принялись разглядывать их. Пилян Койвун, размышляя о предстоящей охоте на морского зверя, присматривался к одной из четырех новых лодок уйльта.

– Нанайская. Из кедра. У них они лучшие, – гордый и довольный старший уйльта похлопал рукой по борту кедровой красавицы.

Пилян Койвун, с непроницаемым лицом рассматривавший лодку, слишком много трогал, ощупывал ее руками, осматривал на ней все углы, и стало ясно, как она понравилась ему, однако он усиленно скрывал зависть к чужому богатству.

– У них многое по-другому. Ценности иные. Считают ее дорогой для подарка. За обмен на нее десять оленей возьмут, – Ыкылак высказался на языке

нивхов, заметив равнодушие старейшины Койвуна к лодке, давая понять, что озадачился, как одарить его таким прекрасным морским судном.

– Скоро отправляемся на охоту в море. Будем долбить лодку из тополя. Свою, – пилан Койвун развернулся и пошел от реки к селению.

Оглянувшись, Ыкылак расплылся в широчайшей улыбке перед Палгуном и Чалуном, хмуро смотревшим на него. Отвернувшись от них, Ыкылак сразу согнал улыбку с лица. Раздраженный их неприязнью, он перевел взгляд на реку, затем, пробежав взглядом вверх по реке, вдруг заметил старую ветхую лодку погибшего Напуина, стоящую на столбах. Памятник ч'иглаф утонувшим всколыхнул подлое нутро Ыкылака, его глаза загорелись от новой коварной мысли. Смело, жестко глядя на Палгуна с Чалуном, сверкая зубами, Ыкылак пошел вслед за старейшинами родов. Они же, не спеша обсуждая свои впечатления, направлялись к толпе нивхов и уйльта, готовивших праздничные обеды. Идя за старейшинами к семействам веселящихся родов, Ыкылак жил отныне лишь одной идеей: как расправиться с пиланом Койвуном, Чалуном, Палгуном. Появившийся среди толпы, довольный Ыкылак бродил среди гостей и хозяев, приносивших в жертву двух собак, посвященных празднику.

Кругом звучали радостные голоса празднующих, тесно общающихся людей. Ыкылак заметил Инаукуна, предсказавшего нивхам его возвращение. Ыкылак прилег на земле, улыбаясь, смотрел на облака, как всегда, видя там большее, чем все вокруг. Неподалеку от него подружка Инаукуна Лидык и другие девушки готовили музыкальное бревно *тятян ч'х'ар* – ударное дерево – главный инструмент нивхов к проведению ритуала. Стилизованная голова медведя с вырезанными ртом и глазами располагалась на конце бревна, символизировавшего тело священного зверя. За головой имелось небольшое углубление – шея, на которой наподобие ошейника было надето белоснежное *инау*. Внизу оно заканчивалось нежной древесной бахромой, уже окрашенной в одном месте красным соком брусники. Чрезмерно веселая девушка-селянка, пританцовывая, ходила вдоль музыкального бревна, обмазывая красным соком брусники рот медведя. Производя ритуально-условное кормление животного, она спросила Инаукуна:

– Провидец – *тахрто ниг"вн*, расскажи, что там видно в моем будущем, чем я живу, как буду жить, куда иду, кого люблю? – девушка с любопытством оглядывалась на пришедших уйльта, вероятно, в ожидании новых впечатлений всматривалась в незнакомый мир.

Присоединившиеся к ней девушки принялись вместе стучать по бревну, пританцовывая на месте. На фоне зазвучавших ударов по бревну юноши, резавшие собак, бросили на землю освежеванную шкуру серой собаки. Рядом с ней, голова к голове, бросили вторую освежеванную шкуру рыжей собаки уйльта. Сверху на головы собак положили по одному роскошному *инау*, что были похожими на короны. Третье *инау*, большее по размерам и узорчатости, легло поверх двух *инау*. Лежа на них, оно объединяло, образно и морально-идеологически скрепляло их, символизируя единство двух народов.

Девушки-селянки играли на музыкальном бревне, радостно пели, поглядывая на родичей и гостей. Селяне и гости, сидя у двух котлов с кипящим мясом собак, весело болтали, готовясь съесть пищу, которая их еще крепче объединит, после чего гостям можно отправиться в обратный путь, не ожидая наступления вечера.

8

На закате у нового летника, переданного отцом Ыкылаку, стояли три оленя, подаренные народом уйльта своему зятю Ыкылаку. Восемилетние близ-

няшки – дочери Ыкылака сидели у входа в жилище. Над дверью висела голова собаки, охранявшая землянку от злых духов. Девочки смотрели вслед уезжавшим гостям-соседям, провожали домой своих родичей уйльта. Растянувшись цепочкой вдоль берега, народ уйльта уходил в свои земли. Параллельно им по воде двигались их лодки.

Ыкылаку предстояло прожить полный год на берегу, после чего хозяин моря позволил бы ему поселиться среди родичей села. Два года предстояло приносить подарки-жертвы морю, подкармливать, ублажать хозяина моря, который забрал души его братьев. Старик Паркизин и его сын Ыкылак, сидя на бревне – лестнице, раскидывали перед хижиной мелко нарезанное мясо. Раскидав его во все стороны вокруг жилища, они вышли на берег, продолжая благодарить духов. Счастливым возвращением живого здорового сына, Паркизин особо жаждал помощи духов:

– Бог моря, отец и хозяин всего живого, не посылай нам болезни, но случится такое, дай быстрое исцеление.

Родичам предстояло провести обряд оживления летника Ыкылака. Пока все старшие братья стекались к его хижине, пилян Койвун с Инаукуном подошли к священному амбару за родовым кресалом. Оно должно было дать жизнь новому очагу, породив новых хозяев огня. Открыв дверь священного амбара, старик с мальчиком достали с полки половину родового кресала.

– Когда человек спит перед охотой, хозяин его домашнего огня сам отправляется за тюленем. Если хозяин огня убьет тюленя для охотника, тогда нивх выезжает на охоту и убивает тюленя. Если хозяин огня тюленя не убивает, то и охотник его не настигнет. Хороший огонь есть у нас. Пусть его хозяин поможет нам. Отправимся на охоту в море, он поможет тебе и нам. Ыкылак ждет огонь, пришедший от предков. Предки, помогайте ему, – поучая мальчика, Койвун поправил некоторые вещи на полках, вышел и закрыл дверь амбара. Спустившись по бревну с зарубками, близкие по духу дед и внучатый племянник поспешили к Ыкылаку.

Привнеся кресало в жилище Ыкылака, глава Койвун, другие родичи старики и остальные мужчины сели вокруг очага в центре летника. Паркизин с трепетом положил на почетное место специальных нар фигурки духов – хранителей дома. Они походили на деревянных куколок. Покормив их, он покормил дух дома.

Жена Ыкылака Айзик, чье имя означает золото, поглядывая на гостей, положила на стол строганину, кабанье сало. Очистила его и мелко нарезала вместе с луком, чесноком, другими овощами. Взрослые и дети с удивлением смотрели на невиданные прежде продукты. Дети гостей, попробовав на вкус кусочки нарезанного сала, незаметно отплевывались, но, ощутив его вкус, принялись вновь проходить испытание продовольственной новизной. Пережевывая соль, пытались глубже воспринять вкус невиданного ранее продукта. Золотая Айзик, положив картофель на край незажженного очага, угощала гостей странными вещами: сухарями, кусковым сахаром. Тем временем кто-то из непосед детей открыл бутылку с водкой, обнюхав ее, фыркнул и принялся чихать, отталкивая отраву прочь от себя. Другие дети, похватав кусочки сахара, стали увлеченно их лизать, осторожно поглядывая на Айзик.

С половиной родового кресала в руках, Койвун протянул руку и принял от Ыкылака вторую часть, возвращаемую родной семье.

– Да. У нас один медведь, один огонь. Родовой огонь вернулся в свой род. Впредь держись за нас. Избегай злых мыслей, – сложив половинки священного кресала краями косых срезов-надломов, старейшина словно вернул назад целостность своего рода и земли.

– Решив не мешать семье брата, ты ушел от нас. Память брата пожелав чтить на виду хозяина моря, вернулся без зла. Мы рады, – отец Ыкылака пересел поближе к нему, довольный и радостно глядя на своих братьев.

– И тогда не знал, что такое злость. Не ушел я, вы изгнали меня, – Ыкылак, улыбаясь, обнял отца, улыбкой и словами создавая двойственность ситуации.

– Не мы, традиции предков. Следуй им, начни новый путь, – Паркизин, улыбаясь в ответ, виновато поглядывал на братьев, готовый погасить все проблемы.

– Многое привез вам от белых людей. Мой тесть-уйльта говорил: белые люди имеют дурной запах, глаза огромные, разного цвета, как вода. Я быстро к ним привык и многому научился. У них есть все. Я видел их ветряные лодки, огненные лодки, огненные палки, что снесут полгоры. Глаза обманывают себя. Глядя на огненные крохотные палки, не веришь в их силу, а она невероятная. Главное, эти люди платили мне за работу и за помощь. Вот что они дали мне, – достав длинные спички, Ыкылак показал их селянам, продолжил: – Первый раз к народу уйльта они приехали на низких безрогих лосях, имя им – конь. А увидели нас на оленях, так сами понаудивлялись.

Пилан Койвун, сев на корточки у очага, собрался разжечь костер. Ыкылак, державший в руках спички, легким движением поджег паклю с соломой под костром. Семейство нивхов изумилось, глядя то на спички в его руках, то на новорожденный огонь и догорающую спичку. Ыкылак зажег еще одну спичку, высоко ее поднял для всеобщего обозрения, придержал горящую спичку у лица. Усмехнувшись, он передал коробку спичек отцу Паркизину, который, удивленно рассмотрев коробок, затем передал его дальше по кругу.

Ыкылак, держа в руках другой коробок спичек, рассыпал его на столе, принявшись перебирать спички, заговорил:

– Этими спичинками я вызвал хозяина огня и его старуху. Пусть они станут новыми родовыми кресалами. Старое кресало закончило свою жизнь.

Достав из-за спины ружье, Ыкылак положил его на колени и, поглаживая приклад и ствол, продолжил возвышать себя в глазах селян:

– Я работал на белого человека, и белый дух мне этим заплатил. Огненные стрелы этой палки-копья так же страшны, как летящие огненные птицы. Отсюда вылетают огненные стрелы, убивая любого зверя, – Ыкылак ткнул пальцем в ствол, засунул в него палец. Достав и показав родичам патрон, он вновь вставил его в гнездо ствола, медленно поднимая ружье, прицелился в отца Паркизина. Подержав под прицелом не понимающего ситуацию отца, он плавно перевел ствол с отца на Иткуна, затем на Койвуна. Обвел прицел по кругу, скользя стволом по лицам присутствующих. Не спеша извлек патрон из ружья, положил его на землю. Подняв над головой емкость с водкой, заговорил, привнося в их обособленный мир главное оружие вырождения, имитировавшее волны счастья:

– Белые духи любят все огненное. Старик уйльта сказал, что у них есть огромная огненная лодка, громадная, как гора, а по земле между деревьев у них ходит другая сильная лодка, собранная из нарт, длиннющая, как река. Для своей души, для нашей души они сотворили эту огненную воду. Она греет, веселит, приносит счастье, – Ыкылак разлил в кружки старикам воспетую им огненную воду. Поджег спичкой водку в своей кружке, показывая всем, как она горит. Удивленные родичи смотрели на горящую воду, Ыкылак же принялся ее пить. Все удивленно смотрели на Ыкылака, не зная, бояться его или любить.

Странный родич все же начинал вызывать почтение. Старейшина Койвун сурово, без улыбки рассматривал коробок спичек в его руках. Достав спичку,

он зажег ее, подняв вверх, рассматривал на фоне темноты. Разгоряченный и оживленный Ыкылак принялся пихать кружки с водкой в рты старикам. Старики Иткун, Паркизин принялись, слегка морщась, выпили налитую жидкость. Ыкылак поднес им по куску сала, они с удовольствием его проглотили. Старики смотрели друг на друга, ожидая реакции братьев, следили за лицами, пощупывали животы. Получив легкий ожог, нахлынувшее изнутри тепло, скоро они перестали напрягаться, расслабились и заулыбались. Паркизин и Иткун попробовали еще по порции огненной воды, разгорячившись, не переставали улыбаться. Паркизин ощущал рукой горящий живот, почувствовав хмель, стал многословным существом:

– Глотаем огонь, как воду. Огонь и воду соединили внутри себя. Кто мы теперь?

Многочисленные гости, оживившись после напряженной ситуации, улыбались Ыкылаку. Ыкылак, низко склонив голову, держал кружку с водкой перед Койвуном. Тот не спешил вести себя как рядовой человек, но, глядя на братьев, уже плохо сдерживал себя. Братья возмущенно смотрели на него, вопрошали глазами. Койвун, решившись, выпил огненной воды, ощупывая горло, пищевод, желудок, прослеживал ход водки по телу. Ыкылак быстро поднес и запихал ему в рот кусок сала. Все наблюдали за главой Койвуном, как он начал хмелеть, уподобляясь расслабившимся братьям.

– Эта огненная вода, верно, от хозяина воды и от хозяина огня. Хороший знак, что они объединились, шлют нам свой подарок. Хозяин моря и воды уже по чуть-чуть отправляет редких тюленей нам, его рыба скоро горами пойдет к нашим берегам, мало дней осталось нам ждать. Он никогда не задерживает их, отправляет ровно день в день, – высказавшись, пилан Койвун поднял вверх кружку, собираясь выпить еще одну порцию водки, поднесенной Ыкылаком.

Вдруг под землей и с улицы раздался неясный глухой гул. Встав, старики качнулись вместе с землей, под ногами все пришло в движение и смолкло. Тут же пошла вторая волна, и все заметили колеблющийся под ногами настил. Пилан Койвун посмотрел вверх – под потолком качались все подвешенные инау. Свод жилища колыхался и качался, стоящая на столе посуда ударялась одна о другую. Старейшина Койвун поставил на стол кружку, она тут же упала от толчка, водка пролилась и стекла на землю. Трезвея, старик Койвун прислушивался к гулу. Одна из балок упала в угол жилища. Встав, старик пошел к выходу, все находившиеся в жилище нивхи устремились за ним. Лишь Ыкылак, Айзик и дочери-близнецы остались в хижине.

Первым из летника Ыкылака выскочил Инаукун и, припав к земле, принялся слушать гудящую землю. Он видел, как мимо него промелькнули ноги стариков и остальных гостей. Ыкылак, появившийся последним в дверях хижины, поспешил за стариками. Поравнявшись с Инаукуном, Ыкылак поднял его с земли, и мальчик поделился с ним пониманием произошедшего:

– Нерпа-мать опять перевернулась под нами. Горы, леса – все встряхнула она. Безмерная, как море, наша нерпа-земля.

– Скажи своим братьям-блошкам, живущим среди лесной шерстки: от радости перевернулась она, обрадовалась нерпа-мать огненной воде. Просит ее у нас. Вот так пусть и поступают, как я, – Ыкылак налил в ладонь малость водки.

Обернувшийся назад Паркизин посмотрел, как сын Ыкылак выплеснул на землю водку из ладони, налив второй раз на руку огненной воды, выплеснул ее в другую сторону, приговаривая при этом:

– Мать-перца, земля наша среди моря, приношу тебе огненной воды. Я решил так кормить тебя.

Ыкылак усмехнулся, глядя на мальчика Инаукуна, всучил ему в руки бутылку с водкой, подтолкнул вперед. Мальчик Инаукун, догнав стариков, передал бутылку в руки хемару Иткуну. Старик Паркизин, поблагодарив сына, тихо кивнул головой Ыкылаку, скрываясь со всеми гостями в темноте.

9

Вернувшись в летник, уложив детей спать, Ыкылак с женой перешли в переднюю часть хижины, где женщина, размотав косу на голове мужа, принялась расчесывать его длинные волосы, что он особенно любил. Глядя на привязанных перед летником копошащихся оленей, Айзик слушала защищавшего свои мысли и поступки мужа:

– Придется по обычаю ради мертвого брата и племянника торчать тут два лета да тосковать. Будем маяться, как рыба на песке.

– Это же ваш обычай.

– Любят они меня унижать. Прогнали из-за живого брата, возвращая назад, привязали к скучному морю опять из-за него, только уже мертвого.

– А что ты с ним сделал?

– Сгоряча самое святое разрушил – домашний очаг. За это он мог меня убить. Но покойный братишка покорно смолчал. Так хуже того – я ударил его в руку ножом.

– А что сотворил с его женой?

– Заставил расчесывать волосы.

– У нас такой же семейный запрет. Только этим нарушил традиции? Одним этим?

– Не помню.

– Она пришлая, как и я?

– Да, из другой земли, другого рода. На севере от нас. Там, кстати, делают хорошие лодки.

– Покажи мне ее.

– Говорят, она умерла.

– Как это произошло?

– Мне не интересно, не спросил.

– Душа ее не могла вернуться в теле моих дочерей?

– Нет. Ее душе пора рассыпаться пеплом. Ее душа пребывает в каком-нибудь дереве.

– Ты любил его жену?

Ыкылак, посмотрев на жену, промолчал. Долго молчал, а она ждала ответа и продолжала расчесывать лес его волос на голове. Он заговорил, избегая прежней темы:

– Наших традиций не счесть. По-нашему – все сущее живет: лампа ходит, стены дома имеют свой голос, даже урительник имеет собственную родину, шатер, жену и детей. Шкуры в мешках разговаривают по ночам. Рога на могилах у северных покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежнее место, и сами покойники встают и приходят к живым. В речном яру существует человеческий голос, который постоянно слышен. Маленькая серая птичка с синей грудкой шаманит, сидя в углу между суком и стволом, бьет в травяной бубен и призывает духов. Вороватый ворон спускается к ней, слушает ее песни, завладевает ими, втягивая их своим дыханием. Шкуры, приготовленные для продажи, по ночам превращаются в зверей и ходят на свободе. Деревья в лесу разговаривают между собой. Когда рубят, то дерево дрожит и

плачет под ударом топора. Даже тени от стен составляют целые племена. Они живут в шатрах и ходят на охотничий промысел.

– Без любви ко всему этому говоришь. Они мало любили тебя, но ты любил их еще меньше. Я чувствую это, – Айзик помрачнела, стала зевать.

– Унижать лучшего в роду – плохой обычай. Я отмеченный небом. Не случайно у меня двойня. Однако старейшина Койвун, его сыны Палгун и Чалун, как всегда, мне не рады.

– Пока мы не явились сюда, ты был другим. Не таким злым.

– Обиды всех дней опять выползли изнутри наружу. Может, во мне поселился злой дух? Почему горят мои обиды и мне хочется мстить?

– Зачем мы пришли сюда? Убей в себе злого духа.

– Они все время говорят – мы, только мы. Твой муж Ыкылак с рождения жаждет говорить – я, я, я, вечно я, только я. Разве я – это зло? Я не олень в стаде, не рыба в воде.

– Ты везде как чужой. От всего тебя воротит. Зачем мы здесь?

– А куда стоило выбираться? Куда мы могли идти? Твои родичи тоже ко мне холодны, не подхожу по их расчетам. От меня их тошнит. – Ыкылак долго молчал, мысли метались в голове, жажда расправы над братьями. – Эти трое не простили меня. Скоро погонят из моих же владений, с моей земли. Надо спешить, опередить их.

Дочери-близняшки, стоя в дверном проеме, смотрели на раздраженных отца и мать. Айзик завела их внутрь летника, закрыла наружную дверь. Ыкылак, оставшись один снаружи, спустился вниз по бревну. Когда глаза освоились и привыкли к атмосфере ночи, он увидел жену погибшего Напуина, которая, сидя в темноте, пристально следила за ними. Ыкылак, вернувшись в летник, поспешно закрыл за собой дверь.

10

На рассвете Ыкылак выбрался из летника, в слабом утреннем тумане пошел к оленям, отвязав одного из рогатых, закинул за спину ружье, двинулся по побережью устья реки на север. Удаляясь, он поглядывал на свою хижину, но жена не появилась в двери, не провожала мужа. Он передвигался в медленно рассеивавшемся вокруг тумане, в тусклом свете утра. Силуэты оленей, оставшихся у дома, быстро растворились позади него. Идя по побережью, Ыкылак заметил впереди на песке шаманку, обошел ее стороной. Чамук сидела у костра, глядя на море. Обернувшись, увидела обходящего ее стороной Ыкылака. Шаманка долго смотрела ему в след, прежде чем отправилась в находящийся неподалеку летник. Стоило ей только вернуться к хижине, как за ближайшим летником появилась собачья упряжка, которую гнали в ее сторону Чалун и Инаукун. Сын и внук хемара Иткуна подогнали упряжку с собаками к летнику шаманки. Оставив собак и Инаукуна снаружи, Чалун вошел в летник и сразу обратился к шаманке Чамук:

– Пришел и прошу: свяжем моего сына и твою дочь узами счастья и долга до конца жизни. Они видят мир одинаково во всем. Упряжка собак вам от нас.

Лидык, спавшая в углу летника, не показывая головы, зашевелилась под шкурой. Посмотрев на дочь, шаманка уперлась взглядом в вошедшего Инаукуна, словно хотела его напугать или забрать его в голову. Она молча и долго пилила его глазами, словно гипнотизировала, но он не смутился, не отвел в сторону свой непростой взгляд.

– Хочу другой путь для нее. Собака сама не решает, как ей жить, смотрит на нас. Не хозяйка она себе. Лидык вам не собака. Она, как птица гор, летит высоко, видит все. Подземный мир тоже в ее глазах. Сама решит, куда идти, в кого превратиться.

Удивленный Чалун смотрел на шаманку, не понимая причины отказа, думал, что следует говорить дальше.

– Подождем, пусть Инаукун идет в море. Хозяин моря посмотрит на него. Море испытает его, мы увидим, кто он, – начал Чалун. Шаманка Чамук, заметив, что дочь выглянула из-под шкуры, подошла к ней, прикрыла ей голову.

– Мое имя значит туман, но я люблю, когда все видно и понятно. Ты наши родовые глаза. Должна помогать нам искать невидимые дороги счастья. Ты борешься со злом, однако оно прилипает к тебе, злыми духами витает рядом да вокруг, – продолжал он. – Чем мой сын плох вам?

– Мы с тобой сегодняшней день. Вернувшийся Ыкылак, перевоплотившийся в человека другого рода уйльта, тоже рос с нами, но я вижу, он человек завтрашнего зла. Оно неясное, неразличимое. Нивх рожден и привнесен в этот мир добрыми духами, чтобы побеждать духов зла. Побеждать их – его пожизненный долг. Мне не полностью виден твой сын. Кто он в завтрашнем дне? Сможет ли он бороться с такими, как Ыкылак? Завтрашнее добро и рядом зло схожи как близнецы. Не могу различить среди них твоего сына, – шаманка Чамук отвернулась, не выдержав твердого и упертого взгляда Инаукуна.

– Инаукун, мы вернемся, пройдя море твоего возрождения, тогда все узнают, каков ты. Можем и год подождать. – Чалун пошел к выходу, уводя Инаукуна. Одумавшись, развернулся у двери, обратился к шаманке Чамук: – Тогда помоги в другом. По несколько дней Инаукун не ест, не пьет, но не чахнет. Кто забрался в него? Изгони сегодня и сейчас эту болезнь, надо решить это до выхода в море.

Шаманка подняла с земли камень, обвязанный веревкой, прошла к центру хижины и высоко подняла его над землей. Камень начал вращаться вокруг своей оси. Чамук провела обряд над Инаукуном, после чего они с отцом покинули летник шаманки Чамук и вернулись в свою хижину.

Вечером Инаукун с пиляном Койвунном оказались у священного амбара. Сидя на зарубинах бревна, служившего лестницей, старик и мальчик любовались устьем реки. Старейшина зажег спичку, долго завороченно смотрел на нее. Подкурив трубку с помощью второй спички, он ждал, когда она сгорит. Выкуривая трубку, он думал, как просто и быстро можно теперь закурить, разжечь очаг в жилище. Он полагал, что кресало появилось не без участия старика и старухи – хозяев огня. Наверное, и спички появились каким-то образом при их поддержке. Старейшина решил добавить на почетное место к священному кресалу спички Ыкылака. Новый огонь, словно появившееся дитя старинного кресала, мог занять свое место рядом с ним.

Занеся кресало и спички на их святое место, закрыв амбар, старик повел Инаукуна к легкой хижине Ыкылака, где собирался рассказывать молодежи и детям нивхские легенды. По дороге они видели, как Паркизин кормил медвежонка, вспоминая своих детей. Другие селяне тоже имели право кормить медвежонка; в течение дня проходя мимо клетки, они подносили зверьку все, что могли.

В стороне от клетки, играя самодельными копьями, дети селения целились в собранное из тряпок и хлама чучело, напоминавшее тюленя. Подростки первыми метали копья в чучело, подростки и малыши ликовали. Было ясно, что они мечтают отправиться на охоту в море, но возрастная очередь пришла лишь к Инаукуну, и он должен был пройти обряд посвящения. Понаблюдав за младшими охотниками, старейшина Койвун поручил Инаукуну собрать их всех вечером на берегу у жилища Ыкылака. Старейшина решил отправить в путешествие по морскому миру их души и умы.

К вечеру, собрав дрова, старейшина Койвун сложил у воды залива костер. Его огонь вместе с шумящими волнами моря должен был помогать вообра-

жению детей отправляться в соседние миры. Желая приобщить к миру нивхов вернувшихся дочерей Ыкылака, он приготовил костер рядом с летником племянника. Как только стемнело и загорелся костер у летника Ыкылака, Айзик с дочерьми вышла в переднюю часть хижины слушать старика. Волны, шепчась между собой, заползали на берег, ветер шелестел в траве, трепетал в кустах, шумел в деревьях. Сверчки стрекотали хором и наперебой, лягушки, втягивая в себя воздух, издавали кряхтящие, скрипящие звуки. Природа дышала в темноте всеми своими существами. В своей речи старейшина принялся за возрождение угасающих легенд, силой своего воображения переноса детвору в свои миры, пробуждая в них невидимые, но бесконечно живущие в крови, неистребимые души предков, несущие в себе горести, страдания, радости прежних лет. Собравшиеся вокруг костра дети слушали старейшину и смотрели на блики огня, мелькавшие на его лице. Сидевшая на бревне с дочерьми Айзик, слушая и понимая его, наблюдая за его профилем с горбатым носом, хорошо осознавала, почему он обращается к детям. Закончив одну часть историй, старейшина принялся покуривать трубку, недолго помолчав, вновь начал восхождение на священную гору памяти прошлого. Заинтересовывая подростков и детей прошлым отцов и дедов, медленно погружал он молодых селян в тысячелетние ценности нивхского мира:

– Давным-давно рыбы много было, тюленя много было. В одном году рыбы, тюленя не стало. Нивхи с голоду помирали, горным духам, водным духам жертву принесли. Не помогло. В зиму голодной смерти много стало. И нивхов мало стало. Весной нивхи к морю спустились, со льдины на льдину ходили, тюленя били. Охоту кончили, один человек на берег не успел прыгнуть. На льдине остался, далеко в море поплыл. Туман поднялся, стемнело. Льдина остановилась, к земле туманной пристала. Со льдины на берег он сошел, землю оглядел, куда попал – не знает. Неведомая земля, вроде и не земля. Оказывается, морская земля *толмиф*. На суше амбар один стоял, на одном столбе. Старик вышел оттуда, нашего нивха увидел, улыбнулся: «Дальний гость, почему войти не желаешь?» Со стариком в жилище вошел, а там старуха одна ждала, – пилян Койвун, подкидывая ветки в огонь, выдерживал паузы и, часто посматривая на Айзик с дочерьми, замороженно слушавших его, продолжал: – Старик со старухой накормили гостя разной рыбой, разными животными. Жена хозяина под нарой рукой шарит, кету достает, по голове ударила, убила, сварила. Опять под нарой рукой шарит – молодого сивуча извлекла, за хвост держа. Кулаком ударив, убила его, сварила. Наш нивх подумал: «Ый-ый! Что за люди? Из-под нары, из места, где отсутствует море, и живых рыб и живых зверей извлекают, убивают, едят!» Понял, что хозяин моря с хозяйкой его звали. Вдруг говорит тот: «Вы, нивхи, рыбу, тюленя убивая, мучаете. Идем, в амбар поднимемся». Вошли в амбар – в нем малюсенькие ящики находились. Внутрь посмотрел – в огромном пространстве воды рыбы плавают. С раздавленным глазом, слепые рыбы, с вырезанными кусками рыбы, с истрепанными хвостами рыбы, с зияющими отверстиями от укусов ножей рыбы.

Старейшина, рассказывая это, смотрел поочередно на присутствующих, желая убедиться, насколько серьезно они вникают в поучительный смысл нивхского мифа. Дети, погружившись в перипетии понятного и близкого первобытного мира, замерли, чувствуя ошибки, совершаемые героем повествования, напряженно ожидая кровавой развязки, уперлись глазами в старика. Пилян Койвун, покуривая трубку, продолжал говорить, следя за Айзик.

– Потом хозяин моря на другой ящик указал – внутри него плавали тюлени. Разные нивхские орудия – ножи для разрезания рыбы, мужские ножи –

все в их глаза воткнутые торчат. Везде колотые дыры в них зияют. Тюлени от боли дышать не могут, ослепшие тюлени среди них есть. Наш товарищ, на тюленей посмотрев, слезу уронил. Хозяин моря сказал: «Вы тюленя, рыбу, когда убиваете, жестоко мучаете, куски из них вырезаете, веселясь, ножами колете, в мусор выбрасываете. На ту рыбу посмотри: чей это нож для чистки рыбы?» Смотрит – нож его матери в голову воткнутый торчит. Повсюду много ножей в рыбу воткнутые торчат. Другой нож для разрезания рыбы во рту тюленя торчит. Его жены нож. «Вы так вот тюленя, рыбу мучаете! Их души, возвращаясь к хозяину моря, уносят с собой все следы ваших обид и издевательств. Потому в прошлом году вы тюленя и рыбы на берег не вытащили. Поэтому болеете, умираете. Впредь их не мучайте, они боль, смерть понимают. Нивхам всем скажи, чтобы любили их, осторожно обращались. Найдете мертвого морского зверя, хороните с особым почтением. Черепа и кости возвращайте морю».

Самые малые детки потирали веки, боясь подобранных к зрачкам слез. Старшие с трепетом молчали, слушали старика, ожидая завершения истории, но смысл незыблемого порядка отношений с природой, табу морали был высказан до конца. Закончив эту историю, старейшина долго молчал, готовясь к следующему познавательному для детей мифу, рождающему в них табу и любовь к богам природы. Трещали дрова в костре, внутри него старик и старуха – хозяева огня лепетали о чем-то на своем языке. Прислушиваясь к ним, старейшина рода перешел к другим легендам, не смолкая до самой ночи. Вскоре, посмотрев на хозяина неба – луну, что взошла слишком высоко, он закончил вечерний сказ о судьбах братьев, бродивших в морях, небесах, подземельях неуловимого времени. Продержав детей допоздна, старейшина распустил их по домам. Воспылав разумом и сердцем от своих слов наставления, он ждал возвращения завтрашней луны, чтобы вновь у костра при ночном свете отправиться с детьми в мир духовного космоса нивхов.

11

Пока старейшина Койвун вечера подряд прививал любовь детей села и уйльта Айзик к своей земле и родичам, Ыкылак пробирался по этой земле вдоль моря на север. В день возвращения на родину Ыкылак сразу и неспроста заметил интерес, проявленный старейшиной Койвуном к лодкам уйльта. Лодки являлись основными, как и собачьи упряжки, помощниками нивхов, обеспечивавшими их существование на земле. Возникшая коварная идея, желание ее реализовать отправили и привели Ыкылака на север. Выйдя с утра к тихому морю, к вечеру он уже двигался по берегу, обгрызаемому большими злыми волнами. Над побережьем шел дождь, ветер хлестал по лицу Ыкылака, передвигавшегося верхом на олене. Не останавливаясь всю ночь, с утра он прибыл к заливу, где было много водных разливов, что-то вроде мини-лиманов. Перемещаясь по болотистому побережью, он заметил у воды труп маленькой нерпы, направился к ней. Сойдя с оленя и обвязав длинной толстой веревкой нерпу за хвост, противоположный конец он прикрепил к пояснице оленя. Взяв за повод оленя, Ыкылак шел с ним дальше на север, а тот брел за ним и волок по песку мертвую нерпу. К вечеру они добрались до устья реки, покрытого редким лесом. Ыкылак удалялся от берега, шел между деревьев, олень брел за ним, волоча за собой труп нерпы. Местами под деревьями еще лежал снег, и труп нерпы катился по нему. Труп был измазан грязью, сильно испарпан, местами шкура уже разорвалась. Подойдя к яме с застоявшейся грязной водой, Ыкылак столкнул труп нерпы ногой в жижу, присев, закурил трубку с табаком. Осмотревшись, определившись, куда идти, он пошел по краю леса, поглядывая на виднеющееся вдали побережье. Олень тащил за собой нерпу,

Ыкылак озирался на ее тело, покрытое болотной слизью. Остановившись у крайних деревьев, Ыкылак, прячась за ними, озирался, боясь попасть кому-либо на глаза. Впереди у кромки речной воды он видел несколько лодок, стоящих на пнях. Рядом в землю были воткнуты весла и шесты. Вглядываясь в лодки умерших охотников и рыбаков, Ыкылак тщательно осматривал их, выискивая и выбирая самую свежую из них. Дождавшись ночи, взяв в руку факел, Ыкылак приблизился к кладбищу утопленников чужого рода. Еще раз тщательно осмотрев лодки, он выбрал самую большую и новую. Подставив сбоку пару бревен, спустил лодку с пней на землю. Привязав лодку к оленю, подталкивая его, потащил лодку с берега в воду.

Все еще кряхтя, олень зашел по колено в воду, затянув лодку в реку. Сев в лодку, Ыкылак привязал позади к ней оленя, опустил весла в воду, и лодка медленно поплыла вдоль берега. За лодкой по берегу шел олень, за ним тянулась вторая веревка, волоча по земле тушку нерпы. Удалившись подальше от кладбища утопленников, Ыкылак подплыл к берегу, и с трудом вытащил половину корпуса на каменный уступ. Перед лодкой он развел костер, бросил у него нерпу, чтобы, истязая, надругаться над ее телом и душой. Глядя ей в морду, ударил ножом в глаз.

– Запомни меня, я Чалун – сын хемара Иткуна. Передай хозяину моря о моей ярости. Ни глаз, ни черепа, ни одной кости не сохранишь, встретив меня.

Взяв топор, Ыкылак жестоко и яростно кромсал голову, шею нерпы.

Разрубив ее на мелкие куски до передних ласт, до верха грудины, он забросил их с песком в лодку. Осторожно пробравшись на коленях по земле к середине лодки, затем выскользнув из-за борта, он незаметно забрался в нее. Встав в полный рост посреди лодки, раскачивающейся походкой прошел взад и вперед по ее дну. Перебравшись через борт, ступив ногами на берег, медленно прихрамывая, заговорил низким голосом:

– Нерпа, скажи хозяину моря: я Палгун, сын Койвуна. Люблю крошить вас как песок, толочь твоё сердце, печень, всю брюшину, смешивая с собачьим навозом.

Подняв топор, он продолжил яростно рубить нерпу от грудины вплоть до хвоста. Подобрал с земли мелко нарубленные куски, принялся бросать их в лодку вместе с пригоршнями песка. Опять резко нагнувшись, присел и спрятался за бортом лодки. Проползши за бортом на полтора метра назад, через мгновение, имитируя старика, выскочил из-за борта. Ссутулившись, пошел вперед, с трудом передвигая ноги. Схватив хвост нерпы, закинул его в костер. Палил его так некоторое время, затем окончательно сбросил его в огонь. Хрипя, поскрипывая своим разнообразным голосом, Ыкылак принялся постарчески бормотать:

– Нерпа, я старейшина Койвун, сын пилана Инаукуна. Отдай свою злость этой лодке, мсти мне, если не боишься. Спалю тебя, как худшие дрова и самый вонючий кал собачий.

Забравшись в лодку, Ыкылак яростно распинывал, топтал куски мяса нерпы, валявшиеся на днище. Крича и двигаясь внутри лодки, он оказался в самом конце, где властвовала темнота. Ыкылака не было видно, но было слышно, как он мочится в лодке, оскверняя лодку и посланницу хозяина моря – нерпу. Таким образом он жаждал добиться мести со стороны хозяина моря и морских животных к своим близким родственникам.

Возвращаясь домой и дойдя до середины пути, Ыкылак приостановился на берегу, затем, очистив лодку, двинулся к своему селению, продумывая свои дальнейшие коварные шаги. С утра Ыкылак появился на берегу устья реки и, пройдя мимо летников селения, подступил к своей хижине. Позади на пово-

ду он вел оленя, а тот тащил за собой привязанную к аркану лодку. Ыкылак, двигаясь с оленем, тянущим лодку, протащил ее за спиной стоящей по колено в воде шаманки. Потрясая руками и телом, Чамук посылала в море какие-то импульсы, разговаривала с духами, жившими над морем и в нем. Придя в обычное состояние, шаманка оглянулась, провожая взглядом Ыкылака. Не дойдя до своего летника, Ыкылак оставил лодку на берегу, пошел к хижине.

Выйдя из своего летника, отец Паркизин заметил сына, оставившего на берегу лодку, и поспешил дойти до нее и посмотреть. Шаманка, выбравшись из воды, приблизилась к лодке, внимательно всматриваясь в нее. Чувствуя в ней недобрый дух, затаившееся зло, принялась разгонять в воздухе над лодкой невидимые злые силы. Одновременно с шаманкой приблизившийся к лодке Паркизин обходил ее кругами и осматривал, несколько раз поменявшись местами с шаманкой. Не желая ругаться и спорить с шаманкой, Паркизин подошел к хижине Ыкылака и присел на бревно-лестницу. Через некоторое время вышел Ыкылак и присел рядом с ним. Они раскурили трубку, принялись беседовать. Сын рассказал отцу, как удачно выменял лодку на десяток оленей. А их он выпросил у отца Айзик и, поменяв на лодку, тут же привез ее сюда как подарок своему роду.

Скоро возле лодки собралось все селение. Паркизин радовал каждого, показывая подарок, принадлежащий всем братьям. Пока рядом не было Ыкылака, Паркизин успел даровать лодку старейшине и всем братьям. Не теряя времени, к полудню селяне вынесли лодку на берег, поставили на стойки, развели костер. Окуривая лодку, они изгоняли злых духов, готовили ее к встрече с хозяином моря. Желая еще больше поднять настроение селян, Ыкылак принес сидящим у лодки старикам огненную воду. Ыкылак разлил в кружки старикам новоявленную праздничную жидкость. Хемара Паркизин, Иткун при виде стекающей в емкости огненной воды изменились снаружи и внутри, ожили и заулыбались, поглаживая свои лица. Раздавая братьям кружки с огненной водой, Паркизин радостно улыбался, слушая вместе со всеми напыщенного говоруна Ыкылака:

– Почтенный пилан Койвун, хемара Иткун, ваш племянник Ыкылак изменился, ушел от прежнего себя, не держите на меня зла. Вам, как нашему старейшине, родичи моей жены прислали эту чудесную лодку. Заметил, как вашу душу захватила такая лодка, поспешил привезти приглянувшийся вам подарок.

Ыкылак, пилан Койвун, старики Паркизин, Иткун, выпив огненной жидкости, принялись помогать молодежи окуривать лодку на стойках.

– Нанайские пихтовые лодки самые скорые. Охоту лучшую принесут. Взяв у тестя десять оленей, я обменял на нее. Это лучшая лодка среди других, – не замолкал Ыкылак.

Он налил малость водки в ладонь, выплеснул ее на лодку.

– Возьми хорошее. Тебе от нас доброй еды желаем.

Ыкылак продолжал разливать в деревянные кружки огненную воду и подносил ее почтенным старикам.

Напротив стариков у лодки и селян на бревне сидели Чалун с сыном. Поглядывая то друг на друга, то на селян, они обсуждали сон Инаукуна. Ночные сны, как сотни пчел, атаковали Инаукуна, роем кружили в его голове. Там он встречал фантастические миры, не существовавшие в окружающей реальности. Невиданные прежде звери, удивительные типы людей, многослойная живность земли, духи, смешанные между собой виды упомянутых существ бродили в ночных кошмарах. Поражая своей внешностью, они жили в невиданном прежде мире. Инаукун не мог понять – его воображение придумывало

этот мир или духи снов утягивали его в эту вселенную. Сны мелькали один за другим всю ночь, и Инаукун запоминал лишь последние, виденные к утру. Об утреннем видении он и рассказывал отцу. Во сне они с отцом вышли на лодке далеко в море, оказавшись там среди островов. Охотясь на островах, они заблудились и не могли найти дорогу назад. Острова переходили с места на место, менялись положениями, чудили круговорот. Некоторые вообще уплывали в море. Долго качаясь меж них, кружила лодка нивхов, пока оставшиеся острова не легли на дно. Качаясь на лодке меж крутых волн, Инаукун с отцом вдруг оказались в тумане. Уставшие, они дремали, проваливались в глубокие сны, несколько лун подряд двигаясь к пуповине моря. Поглядывая на стариков, молодежь, проводящую ритуал окуривания лодки, Чалун, уставший от круговерти запутанных снов, решил узнать, к чему это привело. Верующий, как все нивхи, во все сны, видения, галлюцинации, обеспокоенный завтрашней морской поездкой, Чалун спросил:

– Тебе все снится, мерещится, слышится. И что? Мы возвратились назад?

– Мы спали, лодка сама добралась, причалила к берегу. Касатка, слуга хозяина моря, подталкивая нашу лодку, привела нас к нашей земле.

– Души Напуина и Лонгуна ушли к хозяину моря, значит, они просили его за нас. Думаю, так. С охоты вернемся не с пустыми руками. Хозяин костра ночью уйдет охотиться вперед нас, сделает все для нашей удачи. Пригонит нам всех нерп и тюленей. Тогда уж от души объединимся жирным тюленьим мясом. Никакие холод и хвори нас не возьмут, – успокоившись, обняв сына, Чалун двинулся к костру, тлевшему под лодкой.

Инаукун пошел вслед за ним к родичам, окуривавшим лодку. Старики, Ыкылак, другие мужчины и юноши проводили обряды, связанные с очищением лодки и кормлением моря – подносили дары духам моря и морскому хозяину. Инаукун, идя позади отца, вдруг услышал песню, затеребившую сердце. Замерев, он повернулся, глядя вверх по реке, откуда едва доносился голос певшей женщины. Принялся завороченно прислушиваться к жившей с младенчества в груди колыбельной, которая словно птица летела над рекой.

С верховья реки старая лодка с женщинами плыла вниз к селению. Ближе к корме сидела женщина с грудным ребенком и пела колыбельную песню. Вскоре лодка проплыла мимо недавно установленного памятника *ч'иглаф* – лодки-могильника по утонувшим. Лодка Напуина и Лонгуна ровно стояла на пнях, рядом спали воткнутые в землю весла и шесты. Старая женщина, сидя на корме, глядя на лодку-могильник, молилась реке и морю, бросала в воду стебли сухой пучки, сарану:

– Нам хорошее только делай! Если рыбу ловить будем, нас пожалей!

Женщина с ребенком на руках продолжала петь, пробуждая в Инаукуне детские воспоминания. Подойдя к берегу реки, Инаукун долго следил, как лодка плыла вниз, а над ней собирались тучи.

Продолжение в № 5, 2026.